

осле десятилетки ты сразу пошел в театральное?

— Нет, после семи классов стал учеником слесаря, потом работал радиомонтажником и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Я, может быть, мог бы и сейчас работать в другой профессии — быть, скажем, хорошим слесарем. А мама до сих пор считает, что из меня получился бы неплохой врач.

— А какой была твоя первая роль?

— Женщина — в школьном спектакле из жизни негров. А официальное мнение по поводу моего актерского амплуа я случайно узнал во время вступительных экзаменов в Школу-студию МХАТ. На столе лежало мое дело, и там было написано: «Павлов — комик-простак». Со времен тех экзаменов прошло 36 лет. Не знаю, как насчет комика, но то, что я теперь не простак, так это точно. Вообще же диапазон актерских возможностей ограничен, по-моему, только физическими возможностями.

— А от чего он зависит? От характера или мастерства?

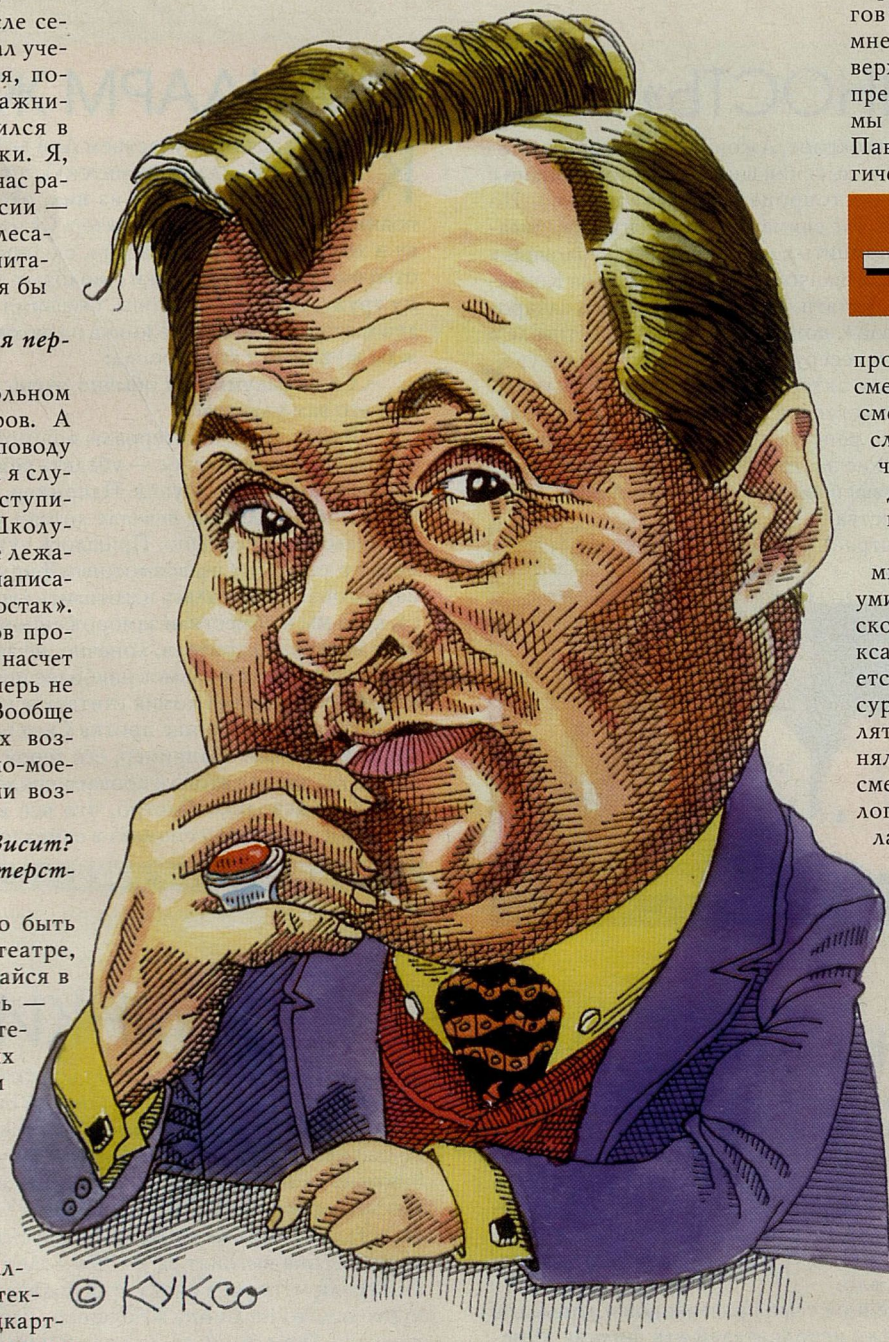
— От актера. Нужно быть активным. Играешь в театре, возникла пауза — снимайся в кино. Есть возможность — выступай на радио или телевидении. И никаких ссылок на здоровье или настроение! Нужно браться за все, что можешь сделать.

— Но роли все-таки накладывают свой отпечаток...

— Я как-то возвращался со съемок одного детективного фильма в плацкартном вагоне. Ко мне долго присматривался один мужик, а потом подсел и тихо так говорит: «Ну как там, в лагере? Бугор с Купцом все еще держат зону?» «Да все, вроде, по-прежнему», — говорю. «А ты сам-то давно вышел?» — спрашивает он.

— Кого тебе больше приходилось играть: положительных или отрицательных героев?

— Пожалуй, поровну. Но после положительного — почет и уважение, а после отрицательного... Когда показывали «Абьютанта...», мальчишки свистели вслед: «Эй, МIRON! Бандюга!» А однажды попросил в магазине какую-то тетку не лезть без очереди, так она мне: «Ты как в кино сволочь, так и в

© КУКСО

Художник Константин Куко

ПАВЛОВ

Виктор Павлов — народный артист России, лауреат различных премий. Три с половиной десятилетия работает он в лучших столичных театрах. Сыграл более 150 ролей в кино: «Абьютант его превосходительства», «Место встречи изменить нельзя», «Майор Вихрь», «Мастер и Маргарита».

Но это его звания и роли, а каков он в жизни?

жизни гад». Но я не обижаюсь.

Раньше ведь специально отбирались люди на роли «врагов». И когда за роль Мирона мне хотели дать премию, «наверху» сказали: «Хватит давать премии «врагам». Стрельчику мы уже дали, а если еще дать и Павлову, то это будет идеологический перебор».

а сцене и в кино, как и в жизни, смешное и трагическое — рядом...

— Еще Гамлет говорил, что высшее проявление трагического — смех, а высшее проявление смешного — слезы. Но это слишком сложная тема. А вот что касается казусов и накладок на съемках и на сцене, то их предостаточно.

Трагическая сцена. Соломин — Сирано де Бержерак, умирает. Он должен сделать несколько последних шагов к Роксане, а у него вдруг отваливается каблук, и он начинает неслучайно и очень комично ковылять. Я подскочил к нему, принял на руки и весь в слезах от смеха простоял так весь монолог. Сцена настолько понравилась публике, что режиссер в дальнейшем так ее и оставил.

Иногда актеры забывают, в каком веке идет действие, и в шекспировских пьесах выходят в современной обуви или с часами на руке. Часто подшучивают друг над другом: прибавляют, например, до начала спектакля галоши к полу, чтобы герой не мог уйти со сцены. Настойчивые отрывают их «с мясом», а находчивые восклицают: «Э-э, кажется, дождь перестал. Пойду-ка я без галош!»

А однажды мы играли на детском утреннике в первый день Нового года. Надо сказать, что все актеры накануне отметили праздник очень хорошо. Гуляли до утра, часок поспали, опохмелились — и на работу. Выходим на сцену одетые гномами. Руки трясутся, глаза красные, физиономии опухшие... Какой-то малыш, увидев нас, завопил: «Ма-а-ама! Я боюсь! Пошли скорей домой!»

— А в кино подобные истории происходят?

— В фильме «На войне как на войне» я играл танкиста. И режиссер Виктор Трегубович придумал такой кадр: я ложусь на дорогу, на меня наезжает танк, и я влетаю в него через нижний люк.

— Какой прекрасный кадр будет, когда на тебя наедет танк! — восхищался режиссер. Я его восторгов не разделял. — Кадр-то, может, получится и прекрасный, а вот что из меня получится? — сомневался я. — Как тебе не стыдно! — возмущался Трегубович. — Для такого артиста побывать под настоящим танком — одно удовольствие! Ладно уж, если он так боится, положите сначала куклу.

И танк наехал на куклу. Когда он проехал, манекен стал плоским, как лист фанеры. Режиссер посмотрел, побледнел и сказал:

— Перерыв. Снимайте без меня. Я сегодня не работаю.

-Я *знаю, ты рисуешь. Это что, хобби?*

— Нет, не хобби. Это мое «второе крыло». На третьем курсе училища у меня неожиданно пропал голос, и стоял вопрос о моем отчислении. Узнав об этом, мой любимый гример сказал: «Не горюй, Виктор. Сдавай на гримера». Я сдал экзамен на отлично, и теперь могу профессионально гримировать и рисовать. Конечно, есть у меня картины и для души: пейзажи, портреты. В основном, это лица моих друзей и жены Татьяны. А вот дочку Сашу никак написать не могу: она очень нетерпелива. В спектакле «Человек из Ламанчи», где я играл Санчо, я так влюбился в Сашу Лазарева, что не мог не на-

писать его прекрасного Дон Кихота. Это вообще мой любимый герой. Но природа любит парадоксы: чувствую себя Дон Кихотом, а играть приходится Санчо Пансу.

— *Расскажи о своих последних работах.*

— Самая, пожалуй, значительная — это «Мастер и Маргарита» Юрия Кары. С этим фильмом происходит какая-то странная история. Он, вроде, давно уже готов, но дорогу к зрителю намертво закрыли продюсеры. Пока...

— *Что больше всего запомнилось на съемках этой картины?*

— Я испытал, пожалуй, самое сильное за всю мою жизнь чувство. В сцене бала у Сатаны снимались двести или триста обнаженных женщин. Причем женщин молодых и прекрасных, учениц балетных студий и хореографических училищ. Именно тогда я понял, что женская красота бесконечна, что каждая женщина неповторима. Я это видел. Ведь это я, Бегемот, руководил тем балом в квартире № 50 дома 302-бис на Садовой...

-М *ожешь ли ты сказать, что твоя семья — твоя крепость?*

— Семья у нас дружная. Жена моя, Татьяна Говорова, заслуженная артистка России, всю жизнь играет в Театре Ермоловой. 28 лет назад я ее увидел там в спектак-

ле «Гусиное перо» и подумал: «Какая смешная девчонка!» С тех пор мы вместе. Наша дочь Саша — врач. Хотя она и не лишена актерских способностей и, что греха таить, с моей помощью могла бы поступить и во ВГИК, и в ГИТИС, но не захотела. Я по-настоящему счастлив дома. Конечно, как у всякого творческого человека, бывают

дается очень просто: берешь яблоки, чернослив, жареные орехи, начинаешь утку, перед этим замоченную в крутом соляном растворе. Обкладываешь картошкой — и в духовку.

А еще я очень люблю всевозможные салаты. Причем большинство ингредиентов выращиваю сам, на даче. Делаем мы и компоты, и варенье варим —

разные настроения, «извержения Везувия», но они проходят, и приходят прощение и раскаяние. Я очень хорошо знаю, насколько тяжела наша профессия, и поэтому не делю домашние дела на мужские и женские: хожу по магазинам, в прачечную, готовлю.

— *Часто из-за дверей твоей квартиры доносятся совершенно неземные ароматы...*

— Тут наследственное: моя теща — южанка, жила в Сухуми. Умение и желание вкусно готовить она передала дочери и внучке, так что лишними килограммами я обязан исключительно их мастерству. В нашей семье одно из традиционных блюд — утка по-читински. Де-

фрукты и ягоды тоже на даче растим.

— *При таком раскладе не просто сохранить форму...*

— Я считаю, что артист не должен переезжать, особенно — перед спектаклем, иначе он будет не артист, а существо, переваривающее пищу. Сытость вообще мешает творчеству.

— *Что бы ты хотел пожелать читателям?*

— Прежде всего — здоровья, благополучия в доме. Доброты и бережного отношения друг к другу. Для того чтобы жить по-человечески, нужно запомнить и соблюдать несколько простых правил. Их очень немного. Всего десять...

Лев Цесаркин

СРЕДА. РТР. 12.30